

шоссе выскочили. Глаза къ Харькову пялятъ, гангору примѣчаютъ.

— Вотъ она, голубушка наша! — крикнулъ передній изъ мужичковъ весело таково.

— Я, — продолжалъ рассказчикъ, — ажъ на «пенушекъ» взобрался, гляжу — точно съ горы лошади спускаютъ, да это совсѣмъ не гангора, «почтова» идетъ тройкой и по заведенію трубить... а что, и трубить-то было нечего, на шоссе ни единой души не мотается. И мужички наши шелохнулись, назадъ подались. Видятъ, что Оедоть, да не тотъ. Бросились они къ «почтовѣ», что, молъ, и какъ... Отвѣчаютъ — въ послѣдній разъ идемъ. Съ завтраго почту на машинѣ возить будутъ. Почтари не въ духѣ... Смотрятъ на домъ-то свой, гдѣ приставали прежде. А имъ ничего и настряпано не было. Закусили въ сухомятку и дальше маршъ!

— Прощайте, братцы! — крикнули намъ почтари, какъ въ Курскъ покатили, — не поминайте лихомъ.

И скрылись съ глазъ за горою. Жутко намъ стало... Подъ сердце какъ ножемъ полоснуло.

Старикъ поникъ головой.

— Скажи, пожалуйста, — промолвилъ я: — а потомъ ходили черезъ Селиховы Дворы обозы?

— Ходили, какъ не ходить. Только не попрежнему, чудно какъ-то. День пять-шесть пройдетъ балыча (бывало), никого нѣту-ти. Ждутъ-ждутъ хозяева, глаза проглядятъ, чисто просто на дорогѣ. Одначе глядь — тащится обозикъ къ Селиховымъ... одинъ на тридцать дворовъ. Куда ему приставать? И ума не дашь. Видючи такія дѣла, хозяева было очередь промежъ себя положили, кому за кѣмъ извозчиковъ принимать. Только отъ этого самаго толку мало вышло. А все-таки нѣкое время крѣпились, ждали, что переменѣна выйдетъ...

— Какая переменѣна? — спросилъ я.

— А такая: «желѣзка сократится» (перестанетъ существовать).

— Что ты? Развѣ вы думали, что опять по шоссе ѣздить станутъ, а не по желѣзной дорогѣ?

— То-то и дѣло, — задумчиво сказалъ мой собесѣдникъ: — были такія думы у хозяевъ нашихъ.

— Какъ же имъ это пришло въ голову, скажи, пожалуйста.

И старикъ передалъ мнѣ вотъ что.

— Зимы мы ждали, чтобы полютѣе была. Говорили, что зимою «желѣзка» не пойдетъ. Машина «охлаждаетъ» и станетъ.

— Кто-жъ вамъ сказалъ это?

— А сказалъ странникъ одинъ, черезъ Селиховы проходилъ... Старый такой, сурьезный и въ желѣзномъ колпакѣ на головѣ... колпакъ на самыя брови нахлобученъ. Пришелъ онъ къ намъ, а къ нему всѣ хозяева... «Что хошь, говорятъ, возьми, только скажи,